

Осада Соловецкого монастыря

Архангельской губернии.

Во Москвы-то было, во царьсви,
Во прекрасном восударьстви,
Перебор-то был боярам,
Пересмотр-от был воеводам.
Из бояр, бояр выбирали,
Воеводу-ту поставляли,
Воеводу-ту непростого —
Ево роду же непростого:
Из бояр князь-Салтыкова.
Воспрогóворит-то государь-царь наш,
Алексей-сударь свет-Михайловиць:
«Уж ты гой еси, воевода!
Я пошлю тйбя, воевода,
Ко манáстырю святому
Ко игумену честнóму:
Стару веру-ту порушíte,
Стары книги исприбíte,
На огни вы вси сожгите».
Воспрогóворит воевода:
«Уж ты гой ёсй, государь-царь наш,
Волексей ты судáрь-Михайловиць!
Как нельзя-то думой подумать
На свято́ ведь на это место,
На прекрасною кенорию,
Шьчё на свéтов-то преподобных
Соловецких ведь цюдотворьцев».
Воспрогóворит осударь-царь наш
Алексей-от судáрь-Михайловиць:
«Уж ты гой еси, воевода!
Прикажу я тебе казнити,
Руки, ноги же отпилити,
Буйну голову отрубити».
Воевода-та испугалсэ,

Сам слезами же обливалсэ:
«Уж ты гой еси, государь-царь наш
Алексей же судáрь-Михайловиць!
Погоди ты миня пилити,
Уж (м)не дай рець говорити:
Мне-ка дай жё тѣ силы много,
Мне стрельцов, борьцѳв, салдатов».
Шьчѳ садилсэ-то воевода;
Надалек'он, свет, отъехал, —
Он расплакалсэ, сам роздумалсэ:
«Хошь я смерть-ту — я прииму же!»
Он роздумалсэ воевода:
Во пути будто рознемѳгсе;
Он назать скоро воротилсэ.
На то место-то накупáлсэ
Из бояр, бояр князь Пешѳрской;
Шьчѳ садилсэ-то воевода
Он во лёгоньки стружѳцьки;
Потянули-то ветры буйны
С полудѳннуу сторонку,
Уносило-то воеводу
Ко манáстырю святому,
Ко игумену чеснѳму,
Ка[к] ко свѳтам-то преподобным
Соловецьким же чудотворьцам.
Как стрелял, стрелял воевода
Во соборну-ту Божью церковь,
Уронил-то тут воевода
Богородицу со престола.
Вси манахи-ти испугались,
По стенам-то вси побросались
В одну келью-ту собирались,
В одно слово-то говорили:
Говорил-то всё игумен:
«Вы не бойтесь-ко, мои дети,
Не страшитесь-ко етой страстьи!
Мы по-старому ведь отслужим, —
С Христом в царсьви с им прибѳдѳм».
По грехам было сучинѳлось,

По тежкíм грехам сотворилось:
Захотел-то ведь деревяга¹
В светом озери (он) купатьце,
По верёвкам цѣрез стену-ту опускатьце;
Ишше пал етот грешник
Он на сыру-ту землю;
Он сломил сво́ю пра́ву руку,
Извихну́л сво́ю леву ногу.
Тут пришол к ёму́ воевода:
«Ты скажи-ко нам сушшу правду:
Ищѣ порохом-то ли дово́лѣн манастырь,
Ишше пушками-то доволен ли,
Ишше крепосью-то крепок ли
Да людьми-то ведь он лю́дѣн ли?»
Говорил-то тут деревяга:
«Он ведь крепосью-ту крепок,
Он людьми тольки не лю́дѣн.
Попадите й вы зайдите
Дровяны́м-то в стену окошком²».
Как зашол-то воевода,
Росказал как деревяга;
Он заця́л тут воевода,
Стару веру-ту поруши́л взял,
Стары книги-ти Божьи изорвал всё,
На огни-ти он прожигал их;
Всех манахов прирубили,
В синѣ морѣ-то помѣтали
Над игуменом наругались:
Рецист язык у его отрежут, —
Цѣрез ночь было тако цюдо:
Он ведь зделалсэ весь здоровой;
Они взяли его убили —
Как небесно царсво́ купили.
Во ту пору-ту, во то время,
В са́му в ту ведь в тѣмну ноцьку
Ишше к нашому царю жо
К Олѣксею-то свет-Михайловицю
Как приходят к ёму два старьца,
Как хотят-то его убити,

Руки, ноги да отпилити;
Говорят ёму таки реци:
«Уж ты гой ёсь, государь-царь,
Олексей ты судáрь-Михайловиць!
Не розорей-ко ты старой веры».
Посылат-то ведь царь же скóро,
Он гонцёв-то скорó, салдатов:
«Старой веры не розоряйте,
Вы ведь книг-то не розрушайте,
На огни-то не розжигайте,
Вы манахов-то не рубите».
Ище стретили воеводу
В славном городи во Вóлогды.
Воевода-то розболелсэ,
Он в худой-то боли сконцялсэ³.
Государь-от, государь наш царь
Олексей-свет судáрь-Михайловиць
За воеводой собиралсэ,
Жисть своёй жизнью сконцялсэ⁴.
Понесли ёго в Божью церковь, —
Потекло у ёго из ушей-то,
Потекла у ёго всяка гáвря⁵;
Ишше уши-ти затыка́ли
Всё хлопцятóй белой бумагой⁶.

*(Записано А. В. Марковым в Нижней Зимней Золотице от А. М. Крюковой.
Напечатана в Сборнике Беломорских былин; стр. 197-201. М. 1901 г.)*

1 Мужик деревеньской, жил по обедам.

2 Окошко было закладено дровами, а то им уж не попасть в стену (т. е. во внутренность стены).

3 Сгнил.

4 Когда я просил повторить эти слова, А. М. Крюкова пропела: «Он своёй-то жизнью сконцялсэ». Собир.

5 Гной.

6 Пропевши эту старину, А. М. Крюкова рассказала следующее: «Царь Алексей Михайлович думал, что Никон — святой; чтобы окончательно убедиться в этом, он велел ему надеть башмаки, в которых было наколочено гвоздье. Никон поставил башмаки под кровать, а царю говорил, что он ходит в них невредимо. Тогда царь велел ему переменить старую веру и

поставить новую — неправую.

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.